

УДК 314.7.044; 316.4

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ
МИГРАЦИОННОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮЖНЫХ
И СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ
РОССИИ**

Юдашкин Андрей Валентинович

Аспирант Финансово-экономического
института Тюменского государственного
университета, г. Тюмень,
e-mail: ajeler@rambler.ru

**SOCIAL FACTORS
OF MIGRATION
INTERACTION BETWEEN
SOUTHERN AND NORTHERN
REGIONS OF RUSSIA**

Yudashkin Andrey V.

Postgraduate student,
Financial and Economic Institute,
Tyumen State University, Tyumen,
e-mail: ajeler@rambler.ru

В статье на основе анализа статистики миграционных связей южных регионов России и северных территорий Тюменской области (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) аргументируется тезис, что общую результативность, однонаправленность внутренних миграционных потоков между российскими регионами предопределяют различия в уровнях их социально-экономического развития, а если шире – в уровнях социальной комфортности проживания населения.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, миграционный донор, миграционный реципиент, социальная комфортность, однонаправленность миграционного обмена.

The article based on the analysis of statistics on migration links between southern regions of Russia and northern areas of Tyumen region (Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous District) argues the thesis that the overall impact, one-pointedness of internal migration flows between Russian regions can determine the differences in the levels of socio-economic development and the levels of social comfort.

Keywords: inter-regional migration, migration donor, recipient of migration, social comfort, one-pointedness of migration exchange.

Социологическая проблематика миграции в последние годы привлекает к себе значительное внимание российских ученых. Изучаются методология и методика исследования миграции как социального яв-

ления, аргументируется необходимость междисциплинарного подхода; рассматриваются миграционная политика государства, ее эффективность, ресурсы, влияние на формирование национально-гражданской идентичности россиян; конфликтогенность миграции, связанные с ней социальные риски и опасности в том числе в сфере межнациональных отношений; факторы и проблемы самоорганизации этнических диаспор, социальной адаптации и социальной исключенности мигрантов, дискриминации отдельных групп мигрантов, механизмы интеграции мигрантов в принимающее сообщество; миграционные процессы в отдельных регионах России, мигрантская и мигрантоориентированная инфраструктура регионов; трудовая миграция, ее виды, потоки, факторы, влияние на рынок труда; социальные факторы миграционной подвижности населения, масштабы и векторы миграционных потоков, их трансформации, динамика и механизмы, разрабатываются математические модели миграции; и т.д.

В настоящей статье исследуются социальные факторы межрегиональной внутренней миграции населения России, потоки которой не меняют численности населения страны, но более значимы для изменений в размещении населения, чем зарубежная миграция. Характер и направления основной массы миграционных потоков между регионами, картину результативности миграционных связей определяют регионы – миграционные реципиенты и регионы – миграционные доноры, социальные факторы, действующие в них. Миграционное взаимодействие между регионами выступает как одна из форм реализации их социально-экономических связей, требующих внимания органов государственной власти России и регионов, мониторинга ситуации, прогнозирования последствий, управленческой реакции в интересах социально-экономического развития.

Согласно парадигме экономического детерминизма миграций, на результативность межрегиональных потоков в первую очередь влияют социальные факторы экономического характера. Так, характеризуя последние три десятилетия, Ж. Зайончковская отметила, что в России «трудовая миграция начала бурно развиваться одновременно с переходом к рынку и буквально стала спасательным кругом для нашего общества во время кризиса и массовой потери работы. Она стала важнейшим амортизатором социального недовольства. Благодаря ей была создана альтернативная сфера занятости. Многие предприятия, используя дешевый труд мигрантов, спаслись от банкротства. Спасен был и потребительский рынок. Трудовая миграция стала школой бизнеса, благодаря ей Россия интегрировалась в международный рынок

труда. В целом трудовая миграция способствует повышению уровня жизни и экономического потенциала России» [1].

По мнению Л.Л. Рыбаковского [2], «за два последних десятилетия в условиях отсутствия определённой внутренней миграционной политики и под влиянием стихийных экономических законов, в результате, прежде всего, межрегиональных миграций значительно оголились геополитически важные окраины Российского государства, усилилась концентрация значительной части населения слабозаселенной страны в нескольких мегаполисах». Он ставит вопрос об эффективном управлении межрегиональными переселениями, полагая, что «оптимизация миграции, направление её в отвечающее интересам государства русло может улучшить геополитическую ситуацию, позволит ускорить социально-экономическое и демографическое развитие большинства российских регионов, будет способствовать выравниванию, а не дифференциации уровней жизни населения во всех субъектах России».

В последнее время в России формируются нормативно-правовые и управленческие предпосылки для выстраивания в перспективе системной миграционной политики власти: в 2012 г. были приняты Концепция государственной миграционной политики до 2025 г. [3] и план мероприятий по реализации концепции в 2012–2015 гг. (первый этап), в 2015 г. – план мероприятий по реализации концепции в 2016–2020 гг. (второй этап). В концепции констатируются неблагоприятные тенденции во внутренних миграциях, отмечается более низкая территориальная мобильность населения России в сравнении с другими странами (в том числе на локальном уровне), связанная с большими издержками на переселение, неразвитостью транспортной сети, ограниченностью рынка арендуемого жилья, высокой стоимостью жилья и его аренды, низкими доходами большей части населения, – это ставит содействие развитию внутренней миграции в число основных направлений государственной миграционной политики России. В концепции отмечается основной вектор межрегиональных внутренних миграций, который усиливает дисбаланс в распределении населения по территории России – движение с востока в центр и в Московскую область. В рамках нашей статьи мы выделяем еще один вектор внутренних миграций: между северными нефтегазодобывающими территориями Тюменской области (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, далее ХМАО-Югра; Ямало-Ненецкий автономный округ, далее ЯНАО) и некоторыми южными регионами России – Краснодарским и Ставропольским краями, Волгоградской и Ростовской областями, Дагестаном, Ингушетией, Чеченской Республикой.

Следует отметить, что миграционный обмен этих южных регионов с другими регионами России детерминируется их особенными социально-экономическими, демографическими, природно-климатическими, этническими, религиозными, политическими и иными характеристиками.

На рис. 1 показано, что из перечисленных регионов Краснодарский край обладает большой миграционной привлекательностью и демонстрирует в эти годы значительный миграционный прирост. Также положительно сальдо миграции в Республике Ингушетия, однако здесь цифры на порядок ниже. Для остальных регионов характерен отток населения, причем для Республики Дагестан и Волгоградской области он относительно выше.

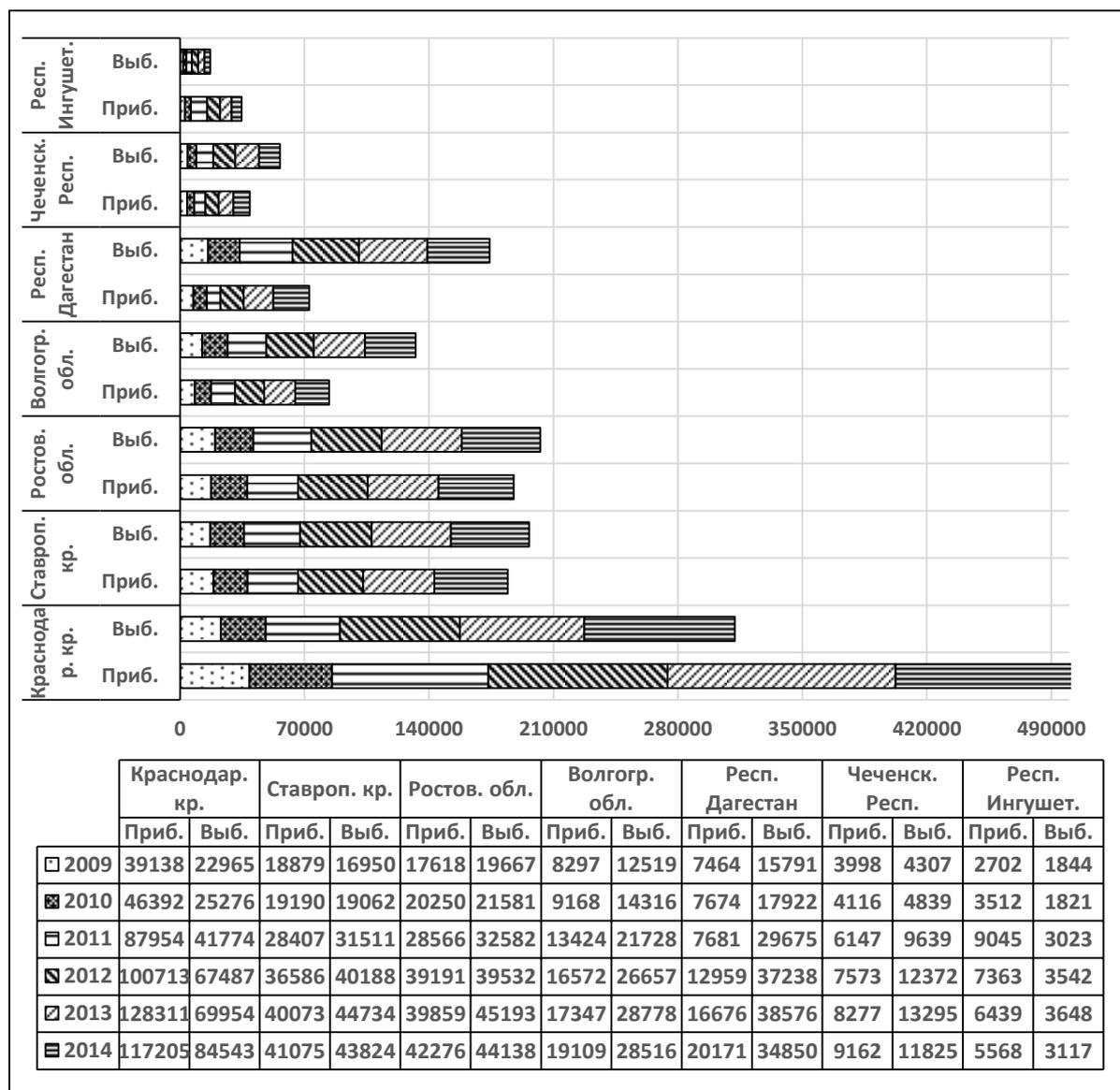

Рис. 1. Межрегиональная миграция населения отдельных южных российских регионов, 2009–2014 гг. (без внутрирегиональной миграции) [4]

Что касается тюменского севера, то он остается сегодня трудодефицитной территорией, местом, где легче найти работу и значительно большую зарплату, чем в других регионах, местом лучших карьерных возможностей для молодых специалистов, что делает его регионом-реципиентом, притягивающим мобильное население многих иных, в том числе и прежде всего южных, российских территорий, несмотря на суровые природно-климатические условия жизнедеятельности. Их миграционное взаимодействие «овеществляется» в соответствующих изменениях национального состава населения северных территорий Тюменской области, имеет достаточно заметное влияние на численность и формирование в них этнических сообществ (диаспор) и их интеграцию в местное сообщество, на характер социальных проблем и социальное самочувствие жителей [5].

На рис. 2 показаны миграционные потоки по северным территориям области в 2009–2014 гг. (без внутрирегиональной миграции). Обращает на себя внимание, что межрегиональные миграционные потоки в ХМАО-Югра и из него практически сопоставимы, а в ЯНАО наблюдается значительный миграционный отток – считаем, это срабатывают прежде всего экстремальные природно-климатические условия жизни в северных и арктических районах.

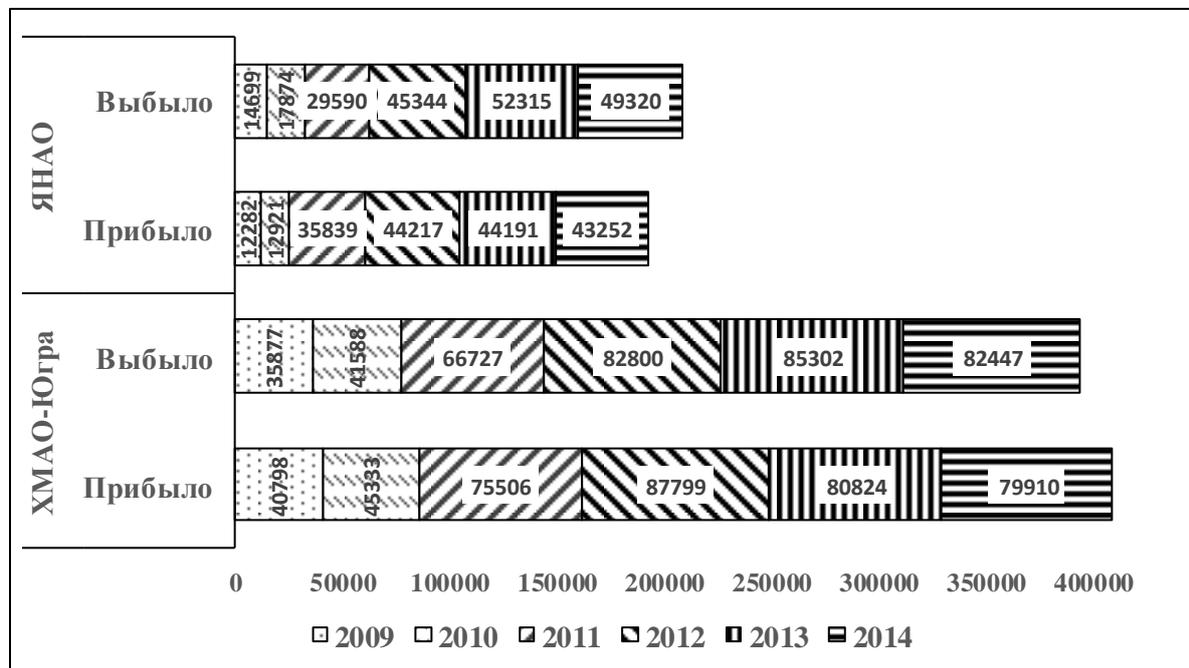

Рис. 2. Межрегиональная миграция населения Тюменской области, 2009–2014 гг. (без внутрирегиональной миграции) [6, 7]

Результативность миграционных связей регионов в целом складывается из качества и интенсивности отдельных межрегиональных

потоков, т.е. миграционных перетоков между парами регионов, в каждой из которых один из регионов предстает как миграционный реципиент, другой – как миграционный донор. Совокупность этих перетоков образует, например, картину межрегионального обмена населением севера Тюменской области и Юга России. Для результативности обмена, как уже было сказано выше, важнейшее значение имеет экономический фактор: «чем выше различия в уровнях экономического развития пар регионов, тем более однонаправленным является характер миграционного обмена между ними» [5]. Однонаправленность миграционного обмена влечет важные социальные последствия, поскольку участвует в сглаживании социально-экономических различий между регионами, как минимум их консервирует, что влияет на мотивацию миграции, меняет ее от позиции «убежать от бедности, прокормить семью» к позиции «возможность большего заработка, лучшего образования детей». С одной стороны, регион-донор лишается части населения, в том числе трудоспособного, социально активного населения, что уменьшает человеческий потенциал собственного развития; в то время как регион-реципиент получает в конечном итоге в свое распоряжение трудовые ресурсы, которые чаще всего успешно встраиваются в жизнедеятельность принимающего сообщества, прежде всего в экономическую деятельность, которая тем самым приобретает новые ресурсы и перспективы, а также в социокультурную среду. С другой стороны, в реальности картина региональных «потерь-приобретений» гораздо более сложна: скажем, денежные потоки, направляющиеся от работающих мигрантов в материнские территории, «овеществляются» в повышении покупательной способности населения региона-донора, в новом жилье и некотором оживлении стройиндустрии, в увеличении активности местных предприятий за счет заработанных мигрантами средств. Получающие денежную помощь домохозяйства больше вкладывают в получение их детьми образования и в охрану здоровья, тем самым в регионе увеличивается накопленный человеческий капитал, что дает долговременный макроэкономический эффект [8]. То есть миграционные потери региона-донора могут восполниться в течение некоторого времени достаточно ощутимыми позитивными последствиями, созданием предпосылок для ускоренного социально-экономического развития территории, которое требуется для «снятия» социально-экономических различий регионов – миграционных пар «донор – реципиент».

Математическое моделирование внутренних миграционных потоков в современной России позволило выявить, что существенно важны-

ми факторами миграции являются демографические показатели, среднедушевые доходы, показатели рынка труда и жилья, что чувствительность миграции к этим факторам больше, чем к показателям инфраструктуры и общественных благ, индексам демократии и др. [9, с. 25].

В связи с этим оказывается перспективным использовать для межрегионального сравнения в исследовании результативности межрегиональной миграции представления об уровне социальной комфортности проживания населения (в данном контексте мы понимаем социальную комфортность как сочетание как минимум четырех факторов: уровня и качества жизни, степени развитости социальной инфраструктуры, уровня природно-климатического и экологического благополучия территории региона, что позволяет оценивать и объективную, и субъективную составляющие социальной комфортности). То есть разницу в уровне социальной комфортности пар регионов предлагается рассматривать как интегральный социальный фактор, влияющий на степень однонаправленности миграционного обмена. Несомненно, справедливо утверждение, что миграционное притяжение – признак социального здоровья региона [1], который обеспечивает населению высокую степень социальной комфортности проживания. С учетом того, что представления о социальной комфортности и методике ее оценки еще формируются в научной литературе, полагаем возможным в рамках статьи ограничиться (следуя подходу, реализованному В.А. Давыденко и Г.Ф. Ромашкиной [5]) оценкой влияния на однонаправленность миграционного обмена лишь экономического фактора и только лишь по такому региональному показателю, как размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы.

В числе основных миграционных доноров севера Тюменской области – Республика Дагестан (рис. 3): за 2008–2014 гг. здесь зарегистрировано почти 32,8 тыс. чел., приехавших в ХМАО-Югра, и более 6 тыс. чел., приехавших в ЯНАО, а выехали в Дагестан из этих регионов соответственно около 8,7 и более 3,6 тыс. чел. В 2014 г. из этой республики выбыли в другие регионы России 34 850 чел. [10], в этом же году в ХМАО-Югра прибыли из нее 4 562 чел., в ЯНАО – 1 424 чел., т.е. долю потока в этом году в северные регионы Тюменской области из Республики Дагестан можно оценить в 17,2 % миграционного оттока. Прибыли в республику в 2014 г. из других регионов России 20 171 чел., при этом выбыли из северных регионов Тюменской области в эту республику 14 101 чел. (69,9 % её межрегионального притока). На интенсивность миграционных потоков, выходящих из республики, в том числе в Тюменскую область, влияют не только эко-

номические факторы: сами эти факторы во многом являются следствием военно-политических событий в этом регионе конца XX – начала XXI в. [5]. Что касается обратного потока, то, видимо, это связано прежде всего с возвращением в родные края тех, кто ранее был вынужден отправиться на Север на заработки, сумел в течение некоторого времени достичь определенного уровня материального достатка, который позволяет обеспечить приемлемый уровень жизни на родине. Полагаем, что это пример возвратной межрегиональной трудовой миграции, для которой характерен достаточно длительный период времени (сезон, год, несколько лет и даже десятилетия) между моментом отъезда из материнского региона до момента возвращения в него. Значительную часть этих миграционных перетоков составляет сезонная миграция, однако оценка ее доли в массиве миграции требует дополнительного анализа.

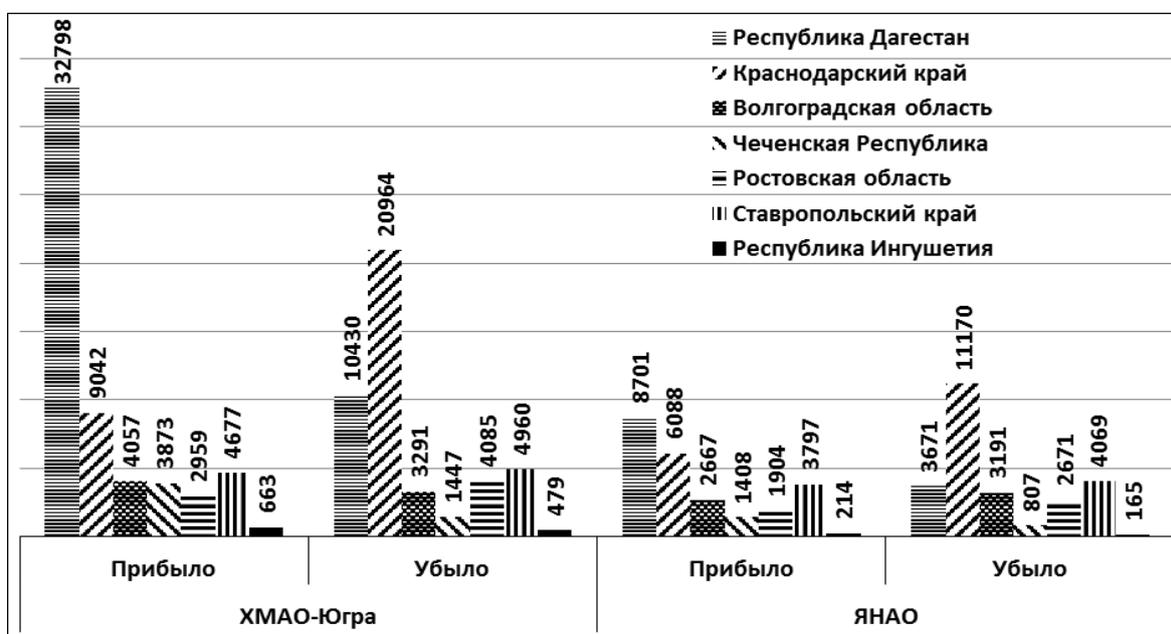

Рис. 3. Структура миграционных перетоков между северными регионами Тюменской области и южными регионами России за 2008–2014 гг., чел. [6, 7]

Южным регионом-реципиентом, принимающим мигрантов из Тюменской области, является Краснодарский край, в который за 7 последних лет из северных округов въехали почти 21 тыс. чел. из ХМАО-Югра и около 11,2 тыс. чел. из ЯНАО. Краснодарский край – это основная российская курортно-рекреационная зона, выделяется уровнем развития сельского хозяйства, промышленности и социальной инфраструктуры, служит «миграционным магнитом» для населения из других регионов, несмотря на сверхвысокие цены на землю и жильё.

Работники нефтегазодобывающего сектора Тюменской области везут в Краснодарский край заработанные на нефтепромыслах «северные деньги» и «северные пенсии», обеспечивая поддержание платежеспособного спроса населения, способствуя развитию экономики края.

В качестве принимающей территории Тюменской области (по объему прибывающего населения) лидирует ХМАО-Югра, в который за 2008–2014 гг. прибыли 455,2 тыс. чел. [6, 7]: для дальнейшей сравнительной оценки интенсивности миграционного движения укажем, что это около 27,4 % населения округа 2014 г. (это отношение характеризует миграционную подвижность населения и косвенно свидетельствует о доле «переменного» населения региона в 2014 г.). Уехали из региона 438,1 тыс. чел. (22,4 % населения). В ЯНАО приехали из других регионов в этот период 206,4 тыс. чел., что составило 38,2 % населения округа 2014 г., а уехали в другие регионы 226,8 (42 % населения). Для сравнения – в южные районы Тюменской области за этот период прибыли 325,8 тыс. чел., что составило 23,1 % населения 2014 г., а уехали из региона 245,2 (17,4 % населения). Как видим, население ЯНАО демонстрирует более высокую миграционную подвижность.

Разрывы между уровнями среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в регионах Юга России, УрФО и Тюменской области (рис. 4) хотя и сокращаются (например, в 2008 г. разрыв в величине данного показателя в ЯНАО и в Республике Дагестан составил 5,8 раза, в 2014 г. – 4,1), однако остаются еще значительными, что продолжает детерминировать интенсивность и направленность векторов миграционной активности между соответствующими парами этих регионов.

Динамика отношения (в %) среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в федеральных округах РФ, в Москве и Санкт-Петербурге, а также в ХМАО-Югра, ЯНАО и на юге Тюменской области в 2005 и 2010–2014 гг. к данному показателю по РФ (рис. 5–7) подтверждает высказанный выше тезис о влиянии на результативность миграционного обмена различий между регионами в уровнях их экономического развития и в конечном счете в уровнях их социальной комфортности.

Для наглядности на этих рисунках в скобках указаны цифры: первая – доля прибывших из других регионов в числе прибывших в регион в течение года в среднем за 2005, 2010–2014 гг., %, как мера миграционной привлекательности региона; вторая – средний коэффициент миграционного прироста в регионе в 2005, 2010–2014 гг. на 10 тыс. человек населения.

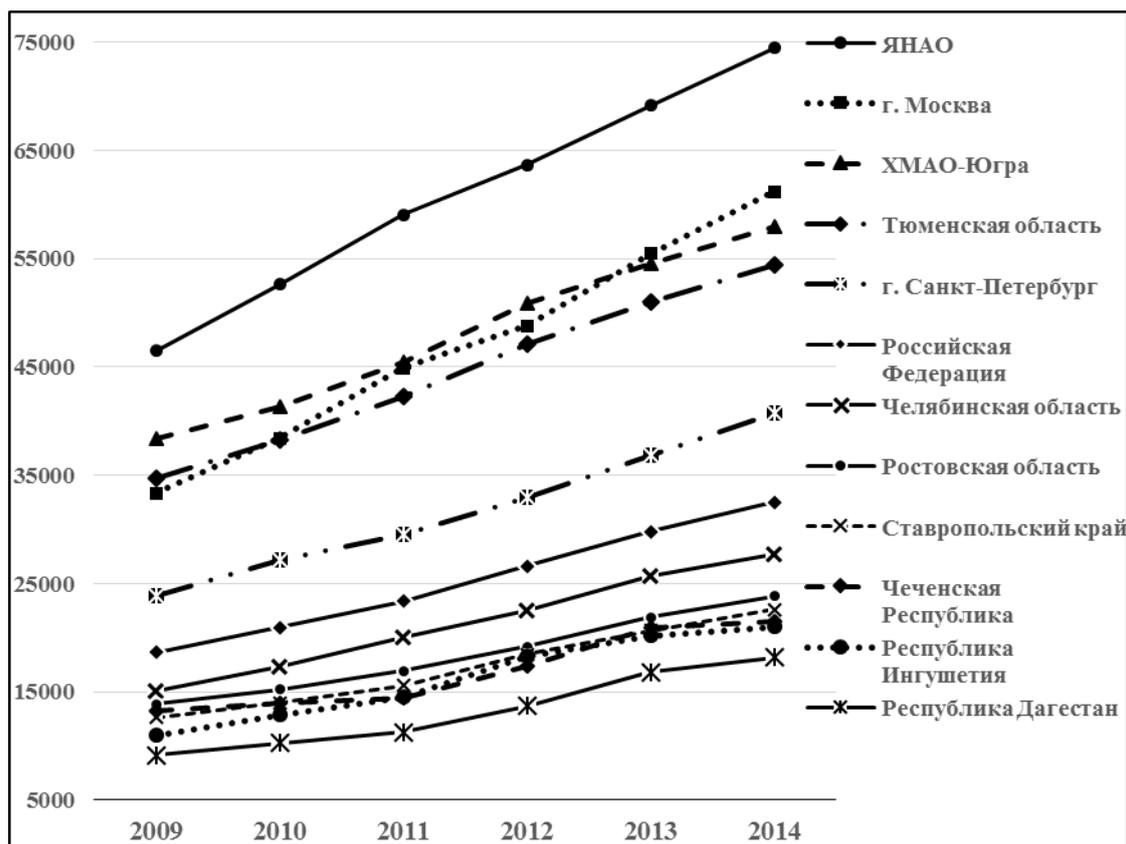

Рис. 4. Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в отдельных регионах России, р. [11]

Рис. 5. Динамика отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в Москве, ХМАО-Югра, ЯНАО к данному показателю по РФ, % [6, 7, 11]

На рис. 5 показано данное отношение для трех субъектов РФ, где оно наиболее высокое. Действительно, эти три региона, имеющие лучшие показатели по заработной плате, более привлекательны для миграции из других регионов страны, в том числе и ЯНАО с его арк-

тическими природно-климатическими условиями проживания, определяющими в последние годы отрицательное значение коэффициента миграционного прироста.

Шесть регионов, для которых характерен средний уровень названного отношения и, соответственно, заработной платы (рис. 6), также имеют в миграционных притоках достаточно высокие доли миграции из регионов России, более весомые в Санкт-Петербурге и на территории Центрального федерального округа; при этом низкое значение коэффициента миграционного прироста в Уральском федеральном округе и отрицательное – в Дальневосточном федеральном округе можно связать с тем, что значительная часть территории УрФО относится к северным территориям, а также с удаленностью ДФО, отрицательное влияние которой на миграционную привлекательность территории сегодня еще не преодолевается относительно высоким уровнем заработной платы.

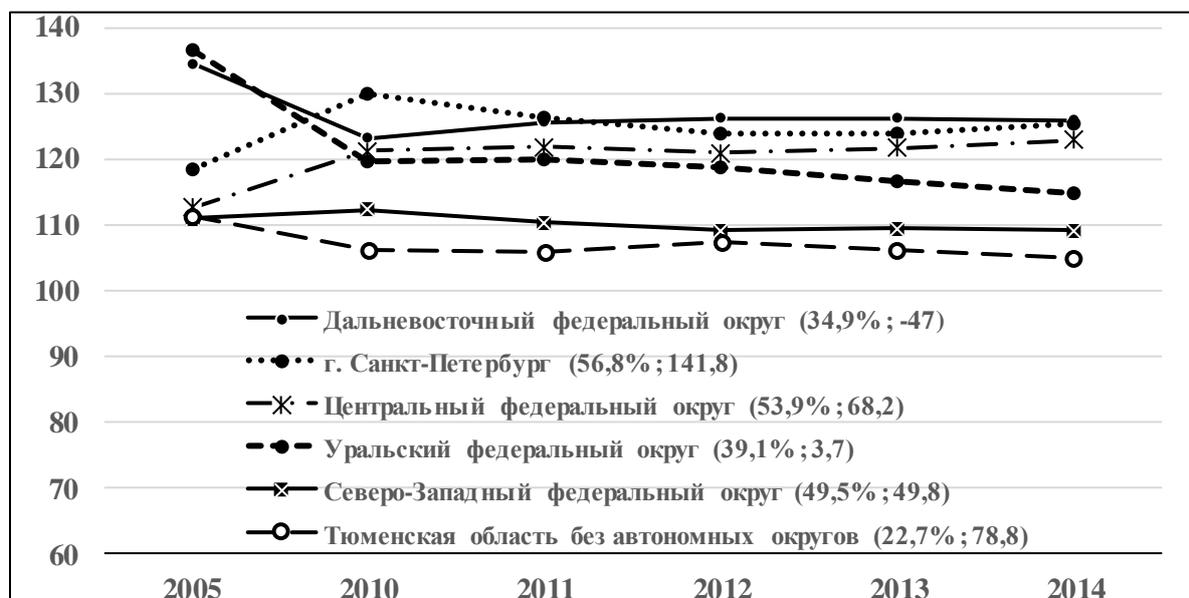

Рис. 6. Динамика отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в Дальневосточном, Центральном, Уральском, Северо-Западном федеральных округах, в г. Санкт-Петербурге и Тюменской области, % [6, 7, 11]

Что касается третьей группы из девяти регионов (рис. 7), для которой характерен низкий уровень названного отношения (меньше 100 %), то и их показатели, на наш взгляд, подтверждают тезис о высокой значимости социальной комфортности жизнедеятельности для людей, реализующих желание изменить место проживания. При этом представляется, что является существенным сложившееся в регионе

специфическое сочетание вышеназванных четырех составляющих социальной комфортности (уровня и качества жизни, степени развитости социальной инфраструктуры, природно-климатического и экологического благополучия территории).

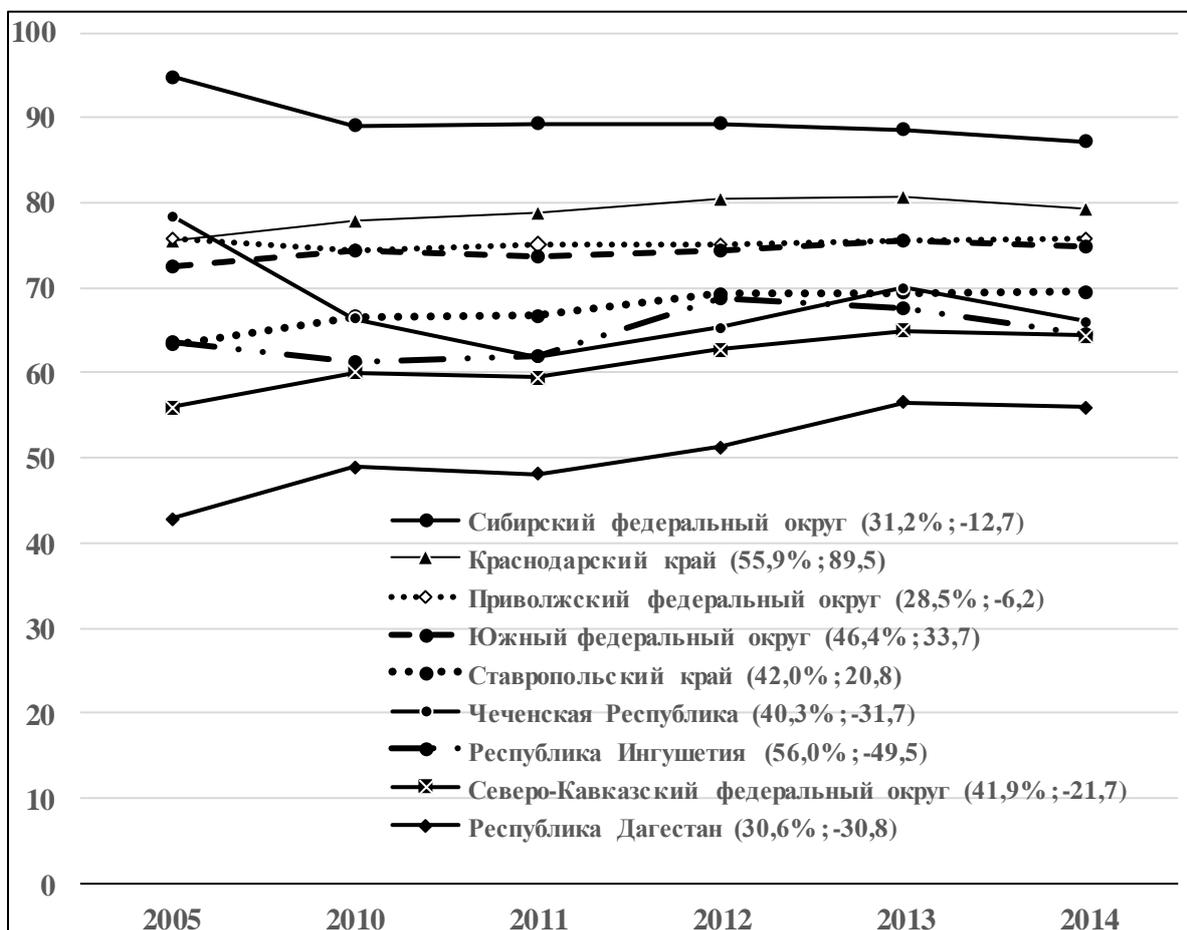

Рис. 7. Динамика отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций в Сибирском, Приволжском, Южном, Северо-Кавказском федеральных округах, в Краснодарском крае, Чеченской Республике, Республиках Ингушетия и Дагестан к данному показателю по РФ, % [6, 7, 11]

Для объяснения складывающейся в каждом из них конкретной миграционной ситуации, для оценки структуры миграционных перетоков (например, объемов, долей постоянной или циркулярной миграции, долгосрочной или краткосрочной, миграции впервые переехавших граждан и т.д. [12]) требуется отдельный содержательный анализ.

Литература

References

1. Зайончковская Ж. Миграция вышла из тени [Электронный ресурс] // Отечествен-

1. Zayonchkovskaya Z.H. Migratsiya vyshla iz teni [Elektronnyy resurs] //

ные записки. 2004. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/migraciya-vyshla-iz-teni> (дата обращения: 01.02.2016).

2. Демографические контуры регионов России [Электронный ресурс] / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М., 2009. 171 с. URL: <http://rybakovsky.ru/demografia2a7.html> (дата обращения: 01.02.2016).

3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13.06.2012) [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2016).

4. Численность и миграция населения Российской Федерации: бюллетень Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 06.04.2016).

5. *Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А.* Юг России и Тюменская область как основные миграционные реципиенты и доноры страны // *Primo Aspectu*. 2014. Т. 17, № 13 (140). С. 65–71.

6. Демографический ежегодник (2003–2013): стат. сб.: в 4 частях / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014.

7. Демографический ежегодник (2011–2015): стат. сб.: в 3 частях / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2015.

8. *Денисенко М.Б., Козлов В.А., Фаттахова А.А.* Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 3. С. 5–29. URL: https://demreview.hse.ru/data/2016/02/12/1140698626/DemRev_2_3_2015_5-29.pdf (дата обращения: 01.07.2016).

9. *Вакуленко Е.С.* Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 28 с.

10. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году [Электронный ресурс] / Федеральная служба госу-

Otechestvennyye zapiski. 2004. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/migraciya-vyshla-iz-teni> (дата обращения: 01.02.2016).

2. Demograficheskiye kontury regionov Rossii [Elektronnyy resurs] / pod red. L.L. Rybakovskogo. M., 2009. 171 s. URL: <http://rybakovsky.ru/demografia2a7.html> (дата обращения: 01.02.2016).

3. Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom RF 13.06.2012) [Elektronnyy resurs]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2016).

4. Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii: byulleten' Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 06.04.2016).

5. *Romashkina G.F., Davydenko V.A.* Yug Rossii i Tyumenskaya oblast' kak osnovnyye migratsionnyye retsipiyenty i donory strany // *Primo Aspectu*. 2014. Т. 17, № 13 (140). С. 65–71.

6. Demograficheskiy ezhegodnik (2003–2013): stat. sb.: v 4 chastyakh / Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Tyumenskoj oblasti. Tyumen', 2014.

7. Demograficheskiy ezhegodnik (2011–2015): stat. sb.: v 3 chastyakh / Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Tyumenskoj oblasti. Tyumen', 2015.

8. *Denisenko M.B., Kozlov V.A., Fattakhova A.A.* Sovremennyye tendentsii denezhnykh perevodov migrantov v Rossii i v mire [Elektronnyy resurs] // Demograficheskoye obozreniye. 2015. Т. 2, № 3. С. 5–29. URL: https://demreview.hse.ru/data/2016/02/12/1140698626/DemRev_2_3_2015_5-29.pdf (дата обращения: 01.07.2016).

9. *Vakulenko Ye.S.* Modelirovaniye migratsionnykh potokov na urovne regionov, gorodov i munitsipal'nykh obrazovaniy: avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk. M., 2013. 28 s.

10. Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii v 2014 godu [Elektronnyy resurs] / Federal'naya sluzhba gos-

дарственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (дата обращения: 19.03.2016).

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.

12. *Мукомель В.И.* Циркулярная миграция: Российская Федерация. Пояснительная записка 2012/96 [Электронный ресурс] // КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции. 2012. Сентябрь. URL: http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-96.pdf (дата обращения: 20.03.2016).

darstvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (data obrashcheniya: 19.03.2016).

11. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli. 2015 : stat. sb. / Rosstat. M., 2015. 1266 s.

12. *Mukomel' V.I.* Tsirkulyarnaya migratsiya: Rossiyskaya Federatsiya. Poyasnitel'naya zapiska 2012/96 [Elektronnyy resurs] // KARIM Vostok – Konsortsium prikladnykh issledovaniy po mezhdunarodnoy migratsii. 2012. Sentyabr'. URL: http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-96.pdf (data obrashcheniya: 20.03.2016).